Иван Грозный в Пскове и Печорах

Первый раз царь Грозный приезжал: новгородцы нажаловались. Опсков тогда был не особая губерния, как теперь, а была тогда все одна Новгородская. Царь за какую-то заслугу сделал Опсков губерниею, а новгородцы послали войско — опять привести псковичей под свою волю. Только псковичи такого звону задали новгородцам, что те насилу ноги уплели. Видят новгородцы, что сила не берет, послали Грозному сказать: «Псковичи, мол, бунтуют». А какой тут бунт? Ну, цари, разумеется, этого не любят; Грозный распалился гневом, поехал к Опскову; не доехал Грозный царь до Опскова за шесть верст, остановился он в Любятове. Прослышали псковичи, что Грозный царь пришел под Опсков громить Опсков и стоит в Любятове, с полуночи зазвонили в колокола к заутрени: Бога молить, чтоб Бог укротил сердце царево. Грозный царь тогда был заснумши в Любятове; как ударили в большой колокол, царь вздрогнул и проснулся. «Что такое? — говорит, — зачем такой звон?» — «Псковичи Бога молят, — говорят ему, — чтобы Бог твое царское сердце укротил».

Поутру Микола Христоуродливый велел всем, всякому хозяину, поставить против своего дома столик, накрыть чистою скатерткою, положить хлеб-соль и ждать царя. Попы в золотых ризах, с крестами, образами, с зажженными свечами, народ: общество, посадники, — пошли встречать Грозного и встретили у Петровских ворот. Только показался царь Иван Васильевич, откуда ни возьмись Микола Христоуродливый, на палочке верхом, руку подпер под бок, — прямо к царю... Кричит: «Ивашка, Ивашка! Ешь хлеб-соль, а не человечью кровь! Ешь хлеб — хлеб-соль, а не человечью кровь! Ивашка, Ивашка!» Царь спросил про него: «Что за человек?» — «Микола Христоуродливый», — ему сказали; царь — ничего, проехал прямо в собор.

А Микола Христоуродливый заехал, все на палочке верхом, заехал вперед; только царь с коня, а Микола: «Царь Иван Васильевич! Не побрезгуй моими хоромами, зайди ко мне хлеба-соли кушать», а у него была под колокольнею маленькая келейка. Царь пошел к нему в келью. Микола посадил царя, накрыл стол, да и положил кусок сырого мяса. «Чем ты меня потчуешь! — крикнул Грозный царь, — как ты подаешь мясо: теперь пост [...], да еще сырое! Разве я собака?» — «Ты хуже собаки! — крикнул на царя Микола

Христоуродливый, — хуже собаки! Собака не станет есть живого человечья мяса — ты ешь! Хуже ты, царь Иван Васильевич, хуже собаки! Хуже ты, Ивашка, хуже собаки!» Царь затрепенулся, испугался и уехал из Опскова, никакого зла не сделамши […].

Другой раз Грозный царь был здесь в Опскове, когда он был ехамши под Ригу воевать; под Ригу он ехал: на Изборск, на Печоры. На то время в Печорах архимандритом был преподобный Корнилий. Был Грозный приехамши в Печоры; стречал его с крестом-иконами Корнилий преподобный. Благословил его Корнилий, да и говорит: «Позволь мне, царь, вокруг монастыря ограду сделать». — «Да велику ли ограду ты, преподобный Корнилий, сделаешь? Маленькую делай, а большой не позволю». — «Да я маленькую, — говорит Корнилий преподобный, — я маленькую; коль много захватит воловья кожа, такую и поставлю». — «Ну, такую ставь!» — сказал, засмеявшись, царь.

Царь воевал под Ригою ровно семь годов, а Корнилий преподобный тем временем поставил не ограду, а крепость; да и царское приказание выполнил: поставил ограду на воловью кожу; он разрезал ее на тоненькие-тоненькие ремешки, да и охватил большое место, а кругом то место и огородил стеной с башнями — как есть крепость. Воевал Грозный царь Иван Васильевич Ригу семь лет и поехал назад. Проехал он Новый Городок, не доехал Грозный двенадцати верст до Печор, увидал с Мериной горы — крепость стоит. «Какая такая крепость!» — закричал царь. Распалился гневом и поскакал на Корнилиеву крепость.

Преподобный Корнилий вышел опять встречать как царский чин велит: с крестом, иконами, колокольным звоном. Подскакал царь к Корнилию преподобному: «Крепость выстроил! — закричал царь. — На меня пойдешь!» Хвать саблей, и отрубил Корнилию преподобному голову. Корнилий преподобный взял свою голову в руки, да и держит перед собой. Царь от него прочь, а Корнилий преподобный за ним, а в руках все держит голову. Царь дальше, а Корнилий преподобный все за ним да за ним... Царь видит то, стал Богу молиться, Корнилий преподобный и умер. Так царь ускакал из Корнилиевой крепости в чем был, все оставил: коляску, седло, ложки […], кошелек с деньгами забыл... Так испугамшись был. После того под Опсков и не ездил.

(Зап. от А. Ф. Полякова в Пскове)

Якушкин П. И. Путевые письма // Якушкин П. И. Сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой. М., 1986.